

УДК 343.1

УГОЛОВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО КАК МЕХАНИЗМ РАЗРЕШЕНИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО КОНФЛИКТА

© Я.М. Плошкина

© Л.В. Майорова

Сибирский федеральный университет

Российские ученые-конфликтологи заявляют, что XXI в. «либо станет веком конструктивного разрешения конфликтов, либо будет последним веком в истории цивилизации» [1, с. 11; 2, с. 138-151]. Согласны с данным утверждением, поскольку процессы глобализации, трансформации, интеграции и ускорения, пронизывающие сегодняшний мир в разнообразных сферах, а также особенности современного социального пространства, обусловленные, в том числе широким распространением интернета, внедрением в жизнь современного общества искусственного интеллекта и увеличением его роли, носят фундаментальный характер. Возникающая новая реальность требует новых подходов к разрешению конфликтов, в том числе уголовно-правовых. Советская, а затем российская социогуманитарная наука в XX-XXI веках от непринятия конфликта, рассмотрения его как аномалии или трагедии, перешла к его признанию, что конфликт является универсальным способом взаимодействия в обществе. Согласно Р. Дарендорфу «не наличие, а отсутствие конфликта является чем-то удивительным и ненормальным. Повод к подозрительности возникает тогда, когда обнаруживается общество или организация, в которых отсутствуют проявления конфликта» [2, с. 138-151]. В.В. Путин в своем публичном выступлении отметил, что «конфликты всегда есть. Понимаете, конфликта нет только на кладбище, там все тихо и спокойно. Поэтому это нормальное явление, когда есть конфликт. Вопрос в том, чтобы найти цивилизованные инструменты решения конфликта и выходить из конфликта, укрепляя общество и государство, а не разрушая его». Следовательно, важным и актуальным является поиск эффективных способов разрешения конфликтов, в том числе уголовно-правовых, возникающих в результате совершения преступления.

На сегодняшний день основным правовым механизмом разрешения уголовно-правового конфликта является уголовное судопроизводство, от устройства которого зависит, насколько успешным произойдет разрешение, урегулирование криминального конфликта.

Для традиционного уголовного процесса как разновидности государственной деятельности, как способу принудительной реализации уголовного права с целью защиты граждан, общества и государства от преступлений, характерно принуждение. Традиционный уголовный процесс организован таким образом, что государство в лице своих представителей (органов предварительного расследования, прокуратуры и суда) фактически полностью замещает реальных субъектов противоречия, выразившегося в преступлении (обвиняемого и потерпевшего). Используя меры уголовно-процессуального принуждения или угрозы их применения, а также показывая примеры ответственного, должного поведения в ходе процессуальных действий, уполномоченные вести уголовный процесс должностные лица по сути вменяют уголовную ответственность обвиняемому, подсудимому без обеспечения ее принятия. Фактически они, замещая реального субъекта, превращаются в псевдосторону конфликта, не в состоянии его разрешить и, не имея для этого средств. Итогом может быть лишь смягчение негативных последствий преступления и процессуального принуждения (для одной или обеих сторон), а в порой провоцирование новых конфликтов [3, с. 42-48].

Похожая ситуация складывается и при использовании упрощенных форм судопроизводства (например, дознания в сокращенной форме (гл. 32.1 УПК РФ), особых порядков принятия судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением (гл. 40 УПК РФ), при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (гл. 40.1 УПК РФ), когда обвиняемый вследствие определенных причин «вынужден» согласиться на «предлагаемые» ему более сильной стороной, которой является государство в лице своих должностных лиц, условия, и фактически возникший конфликт «загоняется» вглубь, усугубляется.

Таким образом, организация традиционного уголовного судопроизводства по сути возможно рассматривать в качестве деструктивного конфликта, предполагающего конфронтацию сторон, имеющего тенденцию к расширению и эскалации конфликтных действий, приводящего к дестабилизации общественных отношений и ухудшению межличностных взаимоотношений, где основной стратегией разрешения криминального конфликта является соперничество. Ведь государство в лице своих должностных лиц и органов, расследуя уголовное дело, устанавливая виновных в совершении преступления, привлекая их к уголовной ответственности, назначая им наказание, стремится фактически к доминированию. Вступивший в законную силу приговор суда, чаще всего обвинительный, является итоговым документом, свидетельствующим о внешнем прекращении конфликтного взаимодействия, которое, однако, не всегда означает разрешение конфликта. Его урегулирование. Нередко конфликт

переходит во внутренний план участников, претерпевает изменения, может развернуться и продолжиться в другом месте и в другое время или может спровоцировать новые конфликты. В пользу этого свидетельствует большое количество рецидивов.

Все это побуждает к переосмыслению организации традиционного уголовного процесса, механизмам превращения деструктивного конфликта, которым является уголовно-правовой конфликт в моменте совершения преступления, в конструктивный, позволяющий перейти от конфронтации участников конфликта к взаимодействию, к стремлению добровольно урегулировать возникший криминальный конфликт. Для этого требуются знания, имеющие междисциплинарный характер (как в областях уголовно-процессуального, уголовного права, криминологии, так и в сферах конфликтологии, психологии и др.).

Попытки, связанные с переосмыслением функционирования уголовного процесса и привлечением виновного к уголовной ответственности, неоднократно предпринимались. Показателен в данном отношении существующий в настоящее время в мире интерес к нетрадиционным формам реагирования государства на преступление (помимо осуществления уголовной репрессии), развитию альтернатив уголовному преследованию, который обусловлен, в том числе кризисом традиционной реакции государства на преступление. В современном мире идет поиск альтернативных способов разрешения уголовно-правовых конфликтов, позволяющих найти эффективные механизмы разрешения конфликтов, что свидетельствует об изменениях в уголовно-процессуальной политике: смена «парадигмы наказания» на «парадигму восстановления», направленной на примирение и преодоление вредных последствий нарушения уголовного закона вне границ уголовной репрессии [4, с. 51-58]. В современной уголовно-процессуальной науке наблюдается интерес к рационализации и экономической целесообразности уголовно-процессуальной деятельности, поощрению и гуманизации уголовного судопроизводства, о чем отчасти свидетельствуют научные темы, избираемые для защиты кандидатских и докторских диссертаций.

Кроме того, рассмотрение уголовной ответственности не только в негативно-ретроспективном, но и в позитивном аспекте [5, с. 19; 6, с. 146] позволяет по-иному взглянуть на уголовное судопроизводство в целом как социальную систему. Ведь уголовный процесс выступает механизмом возложения ответственности на лицо, совершившее преступление, где проявляется не только официальная правовая реакция общества и государства на совершенное преступление, заключающаяся в наступлении для виновного

неблагоприятных последствий личного или имущественного характера, ограничении его правового статуса, но и формирование, а также закрепление социально полезных установок, ценностей, привычек, отражающихся в законопослушном, правомерном в целом поведении (осознании обвиняемым и переосмысления содеянного как социально вредного). Понимание уголовной ответственности в двух аспектах (ретроспективном и позитивном) свидетельствует не только о возложении ответственности со стороны государства в лице своих должностных лиц, но и принятии обвиняемым на себя ответственности. В данной связи заслуживает внимания личностно-ориентированная модель уголовного судопроизводства, предложенная Н.Г. Стойко, которая возможна при соблюдении ряда условий [3, с. 42-48]. По его мнению, уголовный процесс в той мере противодействует преступности, в какой сам, в том числе в лице конкретных должностных лиц, демонстрирует примеры высокой культуры, нравственности, ответственного поведения [3, с. 42-48].

Однако действительность немного иная: большая загруженность должностных лиц, органов, ведущих процесс, временные ограничения на расследование и рассмотрение дел, необходимость составления огромного количества процессуальных документов, - все это свидетельствует о существовании в настоящем времени производства по уголовному делу так называемого «машинного» типа. В связи с чем на практике достаточно сложно конкретным должностным лицам, ведущим процесс, соответствовать данным требованиям, в том числе требовать от них содействия в части формирования и закрепления социально полезных установок, ценностей, привычек у обвиняемого, осознании им и переосмыслении содеянного как социально вредного. Кроме того, отсутствуют критерии, позволяющие измерить произошедшие у обвиняемого изменения внутреннего плана деятельности (осознания и переживания совершенного как социально вредного), а также понять, что криминальный конфликт урегулирован. На наш взгляд, личностно-ориентированная модель уголовного судопроизводства является достаточно абстрактной идеальной моделью, требующей конкретный механизм ее реализации в уголовном процессе.

В связи с чем предлагаем компенсаторную модель уголовного судопроизводства, в основе которой лежит личностно-ориентированная модель, поскольку она также трансформирует деструктивный на этапе совершения преступления с конфронтацией сторон уголовно-правовой конфликт в конструктивный конфликт в рамках производства по уголовному делу и стремится посредством различного рода компенсаций урегулировать криминальный конфликт, выражающийся в основном в межличностном

взаимодействии: на уровне обвиняемый и пострадавший, который в рамках уголовного процесса становится потерпевшим, а также на уровне обвиняемый и государство (общество) в лице конкретных должностных лиц, занимающихся расследованием и рассмотрением дела, представляющих интересы общества, государства. Вместе с тем компенсаторная модель предусматривает собственный механизм реализации: через различного рода добровольных со стороны обвиняемого компенсаций как потерпевшему, так и (или) государству, обществу.

В отличие от традиционного уголовного судопроизводства основу компенсаторной модели составляет иная стратегия разрешения конфликта – сотрудничество, направленная на его урегулирование, предполагающая стремление и причастность участников уголовно-правового конфликта к его разрешению до такой степени, что они получают взаимовыгодное удовлетворение основных интересов посредством достижения консенсуса, договоренностей между собой и предоставлением различного рода компенсаций. При этом стремление к урегулированию уголовно-правового конфликта возможно как при помощи посредников (третьих лиц), как профессиональных, так и не профессиональных, а также самостоятельно участниками конфликта. В компенсаторной модели внимание участников криминального конфликта сконцентрировано не столько на результат, сколько на процесс его урегулирования. Таким образом, компенсаторная модель уголовного процесса является конструктивным конфликтом, предоставляющим возможность урегулировать противоречие, выразившееся в нарушении уголовного закона, проявленное в конкретных поступках людей в межличностном взаимодействии, поскольку позволяет исключить конфронтацию сторон, стабилизировать общественные отношения, нормализовать межличностные взаимоотношения и снять напряженность. Реальная, достигаемая в конкретном уголовном судопроизводстве цель компенсаторной модели уголовного судопроизводства - это взаимовыгодное удовлетворение основных интересов участников криминального конфликта посредством различного рода компенсаций причиненного преступлением вреда, в результате чего происходит нейтрализация, смягчение неблагоприятных последствий совершенного преступления. Считаем, что достижение вышеуказанной цели будет рассматриваться в уголовном процессе урегулированием уголовно-правового конфликта.

На наш взгляд, в современном обществе компенсаторная модель уголовного процесса может сосуществовать вместе с традиционным судопроизводством, дополняя его. Возможно один человек, совершивший

преступление, понесет уголовное наказание, а другой может быть прощен. Однако сама идея, что хоть кто-нибудь, пусть и не каждый, в результате взаимодействия и компенсации неблагоприятных последствий, причиненных преступлением, сможет получить прощение, нравственна, ведь сохранение человеческих ценностей важнее простого возмещения ущерба. Компенсация неблагоприятных последствий, прощение как альтернатива уголовному наказанию может привести к изменению уголовной политики в части смягчения наказания в рамках правовой системы в целом. Выбор модели уголовного судопроизводства, в том числе отношение к уголовному наказанию, определяется культурой нации и зависит от состояния нашего общества на данный момент времени.

Считаем, что компенсаторная модель уголовного процесса, ориентированная на мирное, а не конфронтационное взаимодействие с целью добровольного урегулирования конфликта, возникшего в результате совершенного преступления, является актуальной на сегодняшний день, когда конфликт в жизни современного общества и человека превращается в норму повседневной жизни, когда в социуме культивируется нацеленность человека на борьбу. Многие живут под девизом: «Хочешь мира – готовься к войне». Согласны с позицией ученых, что новые поколения в современном мире «все в большей степени не способны согласовывать свои действия с другими, отказываются от добровольного признания нравственных норм, а тем самым увеличивают объем принуждения правовой нормой и нормой силы» [7, с. 112-121].

В данном контексте заслуживает внимания позиция председателя Конституционного Суда РФ, В.Д. Зорькина, провозгласившего курс на социально-ориентированное правосудие: «гуманистические начала судебной власти предполагают практическое воплощение в деятельности судов курса на социально-ориентированное правосудие. Речь, прежде всего, идет о роли судебной власти в предупреждении и разрешении социальных конфликтов и тем самым в упрочении социальной интеграции... В то же время повышенная напряженность конкретного исторического времени – не повод для создания неоправданного перевеса в сторону суровости. В тех случаях, когда закон оставляет определенную свободу усмотрения в решении того или иного вопроса, следует демонстрировать обществу гуманистический характер российского права и правоприменения, целенаправленно привносить добро, человеколюбие и гуманизм в жизнь общества теми правовыми средствами, которыми мы оперируем. Такой сигнал, исходящий от судов «именем РФ», укрепит уверенность граждан в завтрашнем дне, положительный настрой на

созидательную деятельность на благо страны» (п. 4 и 5 его доклада на X Всероссийском съезде судей в декабре 2022 г.).

Список использованных источников:

1. Анцупов, А.Я., Шипилов, А.И. Конфликтология: учебник для вузов. 3-е изд. СПб.: Питер, 2007.
2. Алейников А.В., Стребков А.И. Междисциплинарность как методологический базис анализа феномена конфликта и образовательной программы «Конфликтология» // Интеграция образования. 2017. Т. 21, № 1. С. 138-151.
3. Стойко Н.Г. Принуждение в уголовном процессе и личностно-ориентированная модель его организации // Законы России: опыт, анализ, практика. 2018. № 5 С. 42-48.
4. Кузьмина О.В. Альтернативные способы разрешения уголовно-правовых конфликтов в российском праве // Lex russica. 2015. № 1. С. 51-58.
5. Кропачев Н.М., Прохоров В.С. Механизм уголовно-правового регулирования: уголовная ответственность. Учебное пособие. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет, 2000.
6. Прохоров В.С., Кропачев Н.М., Тарбагаев А.Н. Механизм уголовно-правового регулирования. Красноярск. Издательство Красноярского университета, 1989.
7. Алейников А.В., Стребков А.И. Конфликтология для XXI века // Знание. Понимание. Умение. 2008. № 2. С. 112-121.

УДК 328.185

**НЕЯСНОСТЬ ТЕКСТА НОРМАТИВНОГО ПРАВОВОГО АКТА КАК КРИТЕРИЙ
КОРРУПЦИОГЕННОСТИ**

© Л.З. Подберезкина

Сибирский федеральный университет

По справедливому утверждению А.И. Бойко, современные объемы и несовершенство правового регулирования в РФ дают основания утверждать, что мы и мир переживаем юридическую пандемию, отдельные симптомы которой таковы: действующих НПА не менее 2 млн., они содержат примерно 100 млн